

ЛЕВОБЕРЕЖНЫЕ ГОВОРЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК МАРГИНАЛЬНЫЙ АРЕАЛ СЕВЕРНОРУССКОГО КОНТИНУУМА

Аннотация. В данной статье дается общая характеристика говоров левобережья Ульяновской области. Особенности данной группы говоров складываются в определенных этнокультурных и географических условиях. Исследование выявляет владимирско-поволжскую основу говоров данной территории, при этом в них присутствуют признаки южно-русского влияния, а также межэтнического взаимодействия. Особенности данной группы говоров проявляются на разных языковых уровнях, что иллюстрируется материалами данной статьи.

Ключевые слова: Владимирско-Поволжская группа говоров, фонетические особенности, морфологические признаки, диалектная лексика, заимствования.

Материалом для данного исследования послужили записи диалектной речи, производившиеся в течении последних четырех лет в левобережной части Ульяновской области, а именно в ряде населенных пунктов Старомайнского и Чердаклинского районов: в селах и деревнях Кремёнки, Кременские выселки, Ивановка, Красная Река, Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка, Большая Кандаля Старомайнского района, Крестово Городище Чердаклинского района, а также в поселке Старая Майна. В настоящее время большинство жителей указанных населенных пунктов считают себя русскими. Однако информанты сообщают, что прежде большую часть жителей некоторых из указанных населенных пунктов (Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка, Красная Река) составляла мордва, в окрестных селах проживали татары, чувашаи. На севере Ульяновская область граничит с Республикой Мордовия, Чувашской Республикой и Татарстаном, поэтому смешанный состав населения вполне закономерен.

По переписи 2010 года основную часть населения области составляют русские — 73,6%. Кроме русских в области живут татары — 12,2%, чувашаи — 7,8%, мордва — 3,2% и другие национальности — 3%. Татары, чувашаи, мордва жили на территории Среднего Поволжья еще до заселения края русскими. Преобладающая часть русских населенных пунктов возникла в середине XVII века. Говоры Ульяновской области являются говорами позднего заселения. Как показывают наши данные, говоры левобережья Волги в Ульяновской области имеют севернорусскую базу при достаточно заметном южнорусском влиянии, а также при смежном влиянии тюркских и финно-угорских языков.

Фонетика говоров левобережья Ульяновской области имеет выраженную владимирско-поволжскую основу, при этом отмечены и некоторые южнорусские черты.

В первом предударном слоге произносится этимологически закономерный гласный. После твердых согласных различаются *о* и *а*: *хорóши, тоиши́ая овца́* (Русские Юрткули); *робóтала* (Красная Река); *ромáишки расту́т, колоко́льчики, голова́ боле́ла* (Кремёнки). Форма *доржа́ли* имеет соответствия с ударным *о*: *до́ржут, до́ржим*, которые представляют фонетический диалектизм *доржа́ть*, характерный для говоров Среднего Поволжья¹.

В первом предударном слоге после мягких согласных, как правило, тоже сохраняется этимологический гласный *е, а, о* (о сохранении *о* мы говорим не с исторической точки зрения, а в сопоставлении с ударной позицией для этого гласного): *увёзла́, чоса́ть, племя́нная, лёдо́к, нека́к, паяви́лись, пьгляде́ла мяки́ну, два часа́, русский язы́к, яви́лса, ночова́ли* (Базарно-Мордовские Юрткули); *чьрвячки́, запрети́ть, бело́к, пчоло́, жолто́к, в рятка́х* (Красная Река); *лягу́шки, бе́гут, ле́та́т* (Кремёнки).

Иногда после мягких согласных и шипящих в предударном слоге наблюдается яканье, которое в этих же словах, и даже у этого же информанта, может чередоваться с еканьем и ёканьем:

¹Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб.: Наука, 2005. С. 75, 296.

вясна́, цвято́чки, пету́х и пята́х, атлята́т, лебядо́й (Кремёнки); *яво́, цвято́к, вылята́т, мяста́, фчара́, мѣтярэ́й, убляти́ца* (Красная Река); *племя́нная, ня слы́шит, сядо́дни, няка́к, мимо́* Красной Ряки́ (Базарно-Мордовские Юрткули). Однако в большинстве зафиксированных нами случаев «яканье» тяготеет к определенным языковым единицам (частица *не*, лексемы *летать, петух, цветок* и производные от них).

Гласные второго и далее предударных и заударных слогов подвергаются разной степени редукции (и количественной, и качественной): *ма́тъчники, доя́ркѣй, мѣтярэ́й, пѣсади́ли, събира́ют* (Красная Река); *сля́кѣт', пѣсинѣ́ли, ди́кѣй лук, ма́льчи́шка ма́лен'кѣй, пѣцаны́, кѣнопля́* (Кремёнки); *пѣсобля́ли, пѣгляде́ла, вѣпѣстит, сѣдамо́йка* (Базарно-Мордовские Юрткули); *сы зава́рѣчкой с тако́й / с трыва́но́й* (Русские Юрткули). Наиболее слабыми оказываются позиции во втором предударном и в первом заударном слогах, здесь редукции может подвергаться даже гласный *у*: *бѣлтыхаю́ца, вѣльтит, перѣдуши́ли* (Красная Река). Редукция до нуля звука обычно происходит в слабой позиции после сонорного (прежде всего, после *р*): *саркаво́ва* (года рождения), *Ма́сленцу́ жгли, перѣ а́ошканы́, перверну́ли, пергороди́ли, и спаги́ рези́навы, персыха́т, пербива́цца* (Кремёнки).

Во втором предударном слоге (и далее) в абсолютном начале слова на месте *о* реализуется *у*, что характерно для говоров Владимирско-Поволжской группы²: *утогна́ть, она́ самоуны́ляема / пчола́ её не уны́лят, уста́вля́ет, э́та* (корова) *утели́лас, утде́ляли, убляти́ца, уде́яло, убраба́тывали, уддыха́ть, уста́льнóе* (Красная Река); *ут не́ё пожа́р-тѣ́ бы́л / ут ни́ё / ут ково́-тѣ́ нача́ло́сь, убрати́ца, утгоро́жу́* (Базарно-Мордовские Юрткули).

Еще одна особенность, отмеченная П. С. Кузнецовым во владимирских говорах³, встречается и в ульяновских: после конечного гласного предыдущего слова начальный *о* предударных слогов

²Кузнецов П. С. О безударном вокализме говоров Ставропольского и Кольчугинского районов Владимирской области // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 4. М.-Л., 1948. С. 42–43.

³Там же. С. 42.

следующего слова редуцируется до нуля звука: *Картошку, маркошку, свёклу, гурицы, дыню* // *Фсё эта растили; Щас вон у меня на гарбде / ничо не пасадила; Да нас здесь що не стаёца нико-во; Сънек не жидáцца зимой; А ты работай д упáду* (Кремёнки); *А нокóшках шторки были только... мобыть занавесочки небольшо-шие / нокóшечках; как вот раньше я жила / я сичас вот жизньню нискоко не бижáю / ни грама* (Крестово-Городище).

В системе консонантизма основные особенности говора связаны с реализацией шипящих и аффрикат, со спецификой палатализации некоторых согласных и процессами ассимиляции.

Отметим твердое произношение долгих шипящих и ч: *вошшына, ешишо, очыстка, вопиэ, ошишэнилас, пчоловот* (Красная Река); *пишиша, приежжали* (Русские Юрткули); *трэшишит, дожжык, теперь фсе приежжы, зарошишона была, дрожжовник, учылишишы* (Кремёнки). Долгое ш иногда произносится как твердое шч: *с вошчыной, шчытай, женишчыны, мушчына* (Красная Река); *шчавель* (Кремёнки). В сочетаниях *чн, чк ч* теряет смычку более последовательно, чем в литературном языке: *палошку, станошник* (Кремёнки); *тут рещка была* (Старая Майна). Отмечены случаи потери смычки у *ц* в соседстве с сонорным: *эт на фабрике дають порсии* (Красная Река); *вот Еремеевъ есть там же / кансе села* (Базарно-Мордовские Юрткули).

Описывая сочетания зубных согласных в окающих говорах, Р. Ф. Пауфошима выделяет владимирские говоры, как наиболее последовательно реализующие ассимиляцию по мягкости и сравнивает ситуацию в этих говорах с состоянием русского литературного языка, но не на современном этапе, а в начале XX века, «когда перед всеми мягкими зубными были возможны только мягкие же зубные»⁴. В речи жителей Ульяновской области регрессивная ассимиляция согласных по мягкости чрезвычайно распространена и устойчива, сохраняется и у получивших об-

⁴Пауфошима Р. Ф. О распределении мягкости в двойных сочетаниях зубных согласных в некоторых окающих русских говорах // Исследования по русской диалектологии. Москва: Наука, 1973. С. 101–102.

разование информантов: *д'ве, с'нимают, с'пиливали, с'них / из'них делали спасать'ныэ круги, привез'ли, нёт'лю, с'вер'ху верёфка т'вёрдая с'вязываеца, кир'пишный* (Старая Майна); *чет'вёртый гот, вер'хавик* (Кремёнки). В некоторых случаях палатализация предшествующего согласного настолько отчетлива, что после него различается призвук переднерядного гласного: *мы свинюшки не р(ь)вём* (Кремёнки); *одна гор(ь)сть пчол* (Красная Река).

Можно отметить и еще некоторые явления, характерные для владимирско-поволжских говоров. Так, зафиксирован переход [к'] в [т']: *Оне вылетают уже называца это поройти / поройти* (поройки) (Красная Река). Укажем также на выпадение [j] и стяжения в окончаниях прилагательных: *Их надо жарить / оне красны делаюца / а мясо у них фкусно* (Кремёнки); *корова котора дойна / котора недойна, утреишо молоко; гречка у нас самау-пыляема* (Красная Река). Выпадения [j] и стяжения происходят и в личных окончаниях глаголов, особенно регулярно у самых частотных: *знам, знаиш, называца, делат, быват*. Стяженные формы отмечены для глаголов в 1-м л. мн. ч., 2-м л. ед. ч. и 3-м л. ед. ч.: *А мы у них отымам / но им хватат* (Красная Река); *Он лётат / а эт ползат по земле тока* (Кремёнки); *Саляркай паливаиш эти драва* (Кременские Выселки).

В области морфологии также ярко выражены черты, связывающие ульяновские говоры с Владимирско-Поволжской группой. В связи со склонением местоимений отметим, прежде всего, регулярность употребления формы *оне* в качестве личного местоимения 3-го л. мн. ч.: *Курица зовёт цыплят // клохчет и оне бёгут фсе* (Кремёнки); *Как звуки дают оне?* (Красная Река); *А лапти / оне вот такие* (Базарно-Мордовские Юрткули).

Специфика склонения местоименных прилагательных *такóй, какóй, никакóй, какóй-нибудь, какóй-то* и под., а также прилагательных с ударением на окончании (типа *плохóй, большóй*) проявляется в наличии у них особых ударных окончаний: *-е, -еи* в именительном и винительном падежах мн. ч., *-ех* в родительном падеже мн. ч., *-ем* в творительном и предложном падежах ед. ч.: *А вот марозы-тё были какéи* (Кремёнки); *Сапок и харóших и плахéх*

(Кременские Выселки); *Когда Писе-ть умер? // какэм году-т?* (Базарно-Мордовские Юрткули); *А эти большѣи-ть / которыз заготовили* (Старая Майна). В им. п. мн. ч. чаще представлены формы со стяженным окончанием: *Идѣт дождик и вот такѣ шарикки мѣлки* (Кремѣнки); *А надевать-ть худы сѣпаги / какѣ-нибуть* (Кременские Выселки); *А какѣ птички / я даже не скажу* (Старая Майна).

Такие же окончания (-е, -ех, -ем) зафиксированы и для числительного-прилагательного *один, -а, -о* (мн. ч. *одне*): *Соловьѣи / оне на разны голоса / не то шть однем а...* (Кремѣнки); *Фсѣ-т гадамы на днем ы на днем месте* (сажали картошку) (Кременские Выселки); *Вот у однех прямъ вот / и иголки не осталос там* (Базарно-Мордовские Юрткули); *Ну я ему сплѣл одне лапти по книшки* (Старая Майна). Окончание -е в им. п. мн. ч. встречается и у притяжательных местоимений, в частности, в наших записях у местоимений *свои, мои*: *Оне тоже уш стали / обрусели так же / как свое; Вот пожалуста мое рѣбятишки // рѣбятишечки мое любимые* (Базарно-Мордовские Юрткули). К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова описывают указанные особенности склонения местоимений и прилагательных как черты северной части Владимирско-Поволжской группы говоров⁵.

В области морфологии отразилось и южнорусское влияние. В сфере образования глагольных форм следует отметить совпадение безударных окончаний 3-го л. мн. ч. глаголов 1-го и 2-го спряжений: *Ну рыбу ловют там ходют // ну в эта время ни ходют / видют кагда речка не застыват* (Кремѣнки); *Они фсѣ находят сами* (Красная Река).

В именной сфере следует отметить характерную для южнорусских говоров замену форм среднего рода на формы мужского рода. Особенно это касается прилагательных: *Вот эти вот торгофцы фсе / позорят весь село; Не знаю / какой помящений?* (Русские Юрткули); *Это вот в лес поедут / такой дерево есть / специ-*

⁵Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Промсвещение, 1970. С. 157.

альный / ну / липа наверно / наверна липы кора; Большой вымя — хорошая корова // Вымя хороший / большой вымя; Яйцо бес скордупы эт недоспелый (Базарно-Мордовские Юрткули).

В области синтаксиса следует отметить использование выделительных приименных частиц, которые чаще всего имеют форму *-ть*: *А дама-ть саломай балышынство были крыты* (Кременские Выселки). Иногда форма частицы уподобляется форме (конечному гласному) существительного, что характерно как для некоторых севернорусских, так и для восточных среднерусских говоров: *Ну эта уш стары теряют перья гуси-ти вот* (Красная Река); *Ну он / видна / взял палачку-ту* (Кремёнки).

В синтаксической сфере данной группы говоров интересно отметить такую особенность, как отсутствие предлога в синтагмах, обозначающих обстоятельства времени и места. В большинстве случаев отсутствует предлог *в*: *Каждый гот переменяют / на одном месте не бывают калхозе // ани это / обрабатывают землю и сажают разных местах // этат гот например / кукуруза тут / другой гот другом месте / потсолнух этат гот тут / апать другой гот другом месте* (Красная Река); *Мы айда-те маленьку Чалгу / там за грибами* (Кременские Выселки). Случаи отсутствия предлога не объясняются чисто фонетическими условиями, например, процессами ассимиляции. В то же время следует указать, что данная особенность отмечена в контактных регионах, где русские говоры могут взаимодействовать с языками типологически отличных систем⁶. Так, в мордовских и тюркских (чувашском и татарском) языках временные и пространственные отношения выражаются синтетически, аффиксально, в частности, при помощи направительных и местных (местно-временных) падежей. Потенциал грамматической системы русского языка вполне допускает такую синтетическую форму выражения грамматических значений.

⁶Мызникова Я. В. Специфика функционирования предложно-падежных конструкций в говорах Приладожья и Среднего Поволжья // Севернорусские говоры. Вып. 13. СПб., 2014. С. 149–157.

Лексика русских говоров Ульяновской области также весьма пестра по своему составу. Она содержит как севернорусские, так и южнорусские лексемы. Заметную роль в лексическом составе говоров играют и заимствования из финно-угорских и тюркских языков. Для иллюстрации рассмотрим функционирование в ульяновских говорах лексических единиц тематической группы «Жилище и хозяйственные постройки».

Из общих наименований крестьянского жилища в говорах левобережья используются лексемы *дом* и *изба*. Для людей сравнительно молодого возраста, которые помнят уже только жизнь после затопления и образования Куйбышевского водохранилища, *изба* — это старое название дома: *Изба / этъ раньше у нас называли дома / рублена изба / как иё называли / шас уже называют дом / патаму штъ уже больше на-современнаму // и была раньше передняя / и задняя / а теперь зал / и кухня... у богатых людей назывался не дом / а терем / а у нас изба / избёнка* (Крестово-Городище). В рассказах же пожилых людей *дом* — это строение целиком, а *изба* — отапливаемая часть крестьянского дома, отделенная капитальной стеной: *Изба / эт задня / передня // чулан; — А было в избе такое место, которое не отапливалось? — В избе? Нет / галанки были и печки // фсё утоплялось // вот ф снях нет / ф снях не утапливалось / там холодна / а изба / в избе дров заготовляли...* (Крестово-Городище). Лексема *хата* для именования жилища в исследуемых говорах не только не была отмечена, но была определена информантами как неупотребительная.

Вполне традиционно используются в говорах левобережья такие лексемы, как *сэни* и *чулан*. Так, значение лексемы *сени* ‘прихожая, помещение между крыльцом и жилой частью дома’ (*Вот шас верандысь вот их называют / а мы сенями звали их раньше / сени! // вот калидор / сени / а раньшеы сени фсе были / а шас веранда да вот* (Крестово-Городище)) вполне соответствует данным БАС (БАС, 13: 644). Лексема *чулан* используется в трех значениях, одно из них также является общеупотребительным (БАС, 17: 1194): *чулан* ‘неотапливаемое помещение рядом с сенями для хранения хозяйственных принадлежностей и продуктов’ (*Изба и тут сени /*

и зделана горница там вот фсё этъ / где чо была туда клали / она без окошѣк / бес фсево была / или маленька окошечка зделают / и фсё // Вот эта горница / чулан вот / которы чуланом ево называли / кто горницей (Крестово-Городище).

Второе значение слова чулан — ‘кухня, место для приготовления пищи’: *Мы пошли / жених с невестай / и зошли / родны сидят / «вы где?» / и ф чулан / топерь кухня называца / а тогда чулан (Красная Река).* Данное значение (‘место для приготовления пищи’) характерно именно для говоров Поволжья, пензенских и некоторых других говоров (Даль, 4: 1375; СРГМ, 2: 1485–1486).

В говорах левобережья Ульяновской области был зафиксирован и третий вариант значения слова чулан — ‘отгороженное помещение за печью для хранения посуды’: *Тут же загораживали место у печи / где эт самый шесток / да фсё / эт штоп не видна была / сток пасуды / чугуны / чугунки / скаваротки бальшие фсё эта / и вот ево атгараживали перегароткай / переборкай как у нас называли / дверь закрыли занавескай / и там не видна / што тварица в этам чулане (Крестово-Городище).* В этом случае помещение со столом, где едят и готовят пищу, называют задняя: *А задняя / эт кухня // там стол стаял под бажницей (Крестово-Городище).* Соответственно, передняя — это ‘чистая половина в избе, выходящая окнами на улицу’: *Передняя / эт што вот / зал (Крестово-Городище).*

Лексема *гóрница* в ульяновских говорах имеет свою специфику, ее значение не является традиционным для севернорусских говоров. *Горница* ‘неотапливаемое помещение для хранения имущества, чулан с окном (или без окна), пристроенный к сеням избы’: *Вот эт сама горница вот значит / изба и тут сени / и зделана горница там вот фсё этъ / где чо была туда клали / она без окошѣк бес фсево была / или маленька окошечка зделают // горница — это ещѣ у нас как кладовая // или горница, или чулан по-другому (Крестово-Городище).*

У В. Даля «Горница ж. у крестьян задняя изба, чистая половина, летняя гостиная, холодная изба; налево из сеней обычно изба (сев. и вост.), направо горница, без полатей и без голбца, и печь

с трубой или голанка; в углу, вместо кивота, образная. | В нашем быту покой, комната вообще» (Даль, 1: 929). Таким образом, традиционно горница — чистая половина избы, но может быть и летняя гостиная. С XVI века классическое крестьянское севернорусское жилище представляло собой трехкамерную постройку: «изба да клеть, а промеж ними сени». Неотапливаемая клеть использовалась для хранения зерна, скарба, а в летнее время как спальня, и в XVII веке в некоторых местах она превращалась в горницу — чистую комнату (последнее было характерно для жилища зажиточных крестьян)⁷. Со временем у зажиточных крестьян летняя горница преобразуется во вторую избу, соединенную с первой общими сенями. К XX веку становится повсеместным возведение пятистенки, в которых капитальной пятой стеной отделялись кухни от чистых горниц-зал, число комнат увеличивалось⁸. Таким образом, горница, традиционно, — жилая комната, отапливаемая или летняя, в избе или отдельно пристроенная к сеням.

В ульяновских говорах левобережья неотапливаемая пристройка к сеням также получила наименование *горница*, сохранив при этом функцию кладовой с маленьким окошечком (или без него). Итак, пристройка к сеням для хранения продуктов и утвари здесь именуется *горницей* (или *чуланом*): *Горница? Там стояли мучные лари / подвешены плетёны карзины / в них зимой разрубят мяса положут / даже мама капусту вынет лишнюю ис погребца / ана вот так калапками её отождёт / тоже туда...* (Крестово-Городище).

Что же касается лексемы *клеть*, она в говорах левобережья также имеет особое значение. В Словаре В. Даля «Клеть ж. холодная половина избы, через сени; под нею подклеть; или омшеник, отдельная избушка для поклажи, без печи; чулан, амбар, кладовая; летом спят в клетях, там же устраивают новобрачных» (Даль, 2: 294). Ульяновские информанты не смогли ответить на вопрос

⁷Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 203.

⁸Там же. С. 278.

о том, что хранили в клетях: *Нет / ничего за клетью не хранили / это для животных* (Красная Река). Приведем описание клетки диалектоносителем: *Клеть эта вот в клеву перегаротки / разгаротки для мелких животных / для парсят / для казлят / для телёнка / для ягнят атдельно / вот эти вот клетушки / если их многа / если адна / значит клеть* (Крестово-Городище). Таким образом, клеть — ‘помещение для скота, хлев’; клетушка — ‘отгороженное для животных место в хлеву’.

Помещения для скота тоже имеют разные именованья. Помимо лексем *клеть* и *клетушка*, широко используется такое общее именование помещений для скота, как *клев* (если маленький, то *клебушок*): *Держали животных в этих вот клевами и / то глиной обмажем / то вот корова накакат и этим фсё обделывали / штобы верта (!) не было / потёплее / вот в эдаких клевах и жили; Гусей? Зезь же вот на дворе / тоже клебушок им особе делаешь вот* (Крестово-Городище).

Загон для скота, летнее помещение для скота в ульяновских говорах носит наименование *калда* (фонетический вариант *карда*): *Ну вот калда вот / называли мы их // вот шас вот эта вот у меня / раньше тут лошадь у нас стояла / была калда* (Крестово-Городище). Слова *калда* и *карда* используются еще и в значении ‘скотный двор’, особенно по отношению к большому колхозному двору: *вот доила я фсю дорогу / калда там угромадна / по двести голоф ф каждой / она тоже эдак же называлась кардай / тока большая / эта чово-т под одну лошадь была / маленькая / а там большие прям* (Крестово-Городище). Лексема *калда* встречается и в значении ‘хлев’: *Ну и гусятник был / проста называлась гусин(а) калда* (Красная Река). В данном случае *гусин(а) калда* может быть прямым заимствованием из мордовского или «стяжением» словосочетания *гусиная калда* в речевом аллере.

Слово *калда* (*карда*) является весьма употребительным в Поволжье не только в русских говорах, но и в мордовских, а также в тюркских языках. Вопрос о его этимологии поднимался неод-

нократно и однозначного решения не имеет⁹. Вариативность его фонетического оформления, а также оттенков значения этой лексической единицы в русских говорах подтверждает ее заимствованный характер.

Конечно, лексика группы «Жилище и хозяйственные постройки» не исчерпывается теми единицами, которые приведены в статье, но даже этот небольшой фрагмент лексической системы говора демонстрирует его специфику в целом.

Таким образом, собранные материалы по левобережным говорам Ульяновской области позволяют выявить севернорусскую основу этих говоров на разных языковых ярусах. Наиболее отчетливо эта основа проявляется в области фонетики. Грамматические особенности данной группы говоров свидетельствуют об определенном южнорусском влиянии, а также о взаимодействии с тюркскими и финно-угорскими языками. Специфика лексической системы данного региона также свидетельствует об особом, маргинальном статусе этих говоров в рамках севернорусского континуума.

Сокращения

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.-Л., 1948–1965.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией И. А. Бодуэна де Куртене: в 4-х т. СПб.-М., 1903–1909.

СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. СПб.: Наука, 2013.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–48. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2015.

⁹Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб.: Наука, 2005. С. 89–90.

Y. Myznikova. The Dialects of the Middle Volga as the Marginal Area of the Northern Russian Continuum

This article provides an overview of the Russian dialects of Ulyanovskiy region. The features of this group of dialects are formed under certain ethno-cultural and geographical conditions. The study reveals the North Russian basis of Ulyanovskiy region dialects and the features of the South Russian influence. The traces of inter-ethnic interaction also can be found in the dialects of the Middle Volga in this language contact region.

Keywords: North Russian dialects, phonetic features, grammatical peculiarities, dialect vocabulary, loanwords.